

УДК 39;76.01

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-587-597

«Этнографический портрет» обских угров в свете путешествия Е. М. Корнеева

А. А. Галямов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
galyamov-artur@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В общем историческом и интеллектуальном контексте путешествий конца XVIII – начала XIX вв., реконструируя господствующие представления путешественников, в настоящей статье проведён анализ гравюр Е. М. Корнеева – известного русского гравёра, мастера видовой графики, путешественника рубежа XVIII–XIX вв.

Цель: характеристика образов обских угров сквозь призму представлений путешественников конца XVIII – начала XIX вв., и их визуальной репрезентации на примере работ Е. М. Корнеева

Материалы исследования: гравюры Е. М. Корнеева, опубликованные в альбоме К. Рехберга «Народы России».

Результаты и научная новизна. Тема репрезентации образов обских угров в иллюстрированных изданиях конца XVIII – начала XIX вв. на примере гравюр Е. М. Корнеева из альбома «Народы России» – является малоизученной. В настоящей статье исследуется исторический, интеллектуальный и художественный контекст создания гравюр Е. М. Корнеева; разобраны источники, использованные для их создания; при сравнении с академическими изданиями второй половины XVIII в., выявлены связи образа с текстом. Актуальность настоящей работе сообщает исследование гравюр Е. М. Корнеева как источника в контексте «визуальной этнографии».

Научная новизна заключается в исследовании визуальной репрезентации обских угров в иллюстрированных изданиях начала XIX вв. на примере гравюр Корнеева.

Ключевые слова: Е. М. Корнеев, путешествие, образ «Другого», «визуальная этнография», художественная форма, «этнографический портрет».

Для цитирования: Галямов А. А. «Этнографический портрет» обских угров в свете путешествия Е. М. Корнеева // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 587–597.

«Ethnographic portrait» of the Ob Ugrians in the light of E. M. Korneev's travel

A. A. Galyamov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
galyamov-artur@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: in the general historical and intellectual context of travels in the late XVIII – early XIX centuries, reconstructing the prevailing ideas of travelers, the article analyzes the engravings of E. M. Korneev – a famous Russian engraver, master of view graphics, traveler of the turn of the XVIII–XIX centuries.

Objective: characteristics of images of the Ob Ugrians through the prism of travelers' ideas of the late XVIII – early XIX centuries, and their visual representation on the example of the works of E. M. Korneev.

Research materials: engravings by E. M. Korneev published in Rechberg's album «Peoples of Russia».

Results and novelty of the research: the theme of representation of the images of the Ob Ugrians in the illustrated editions of the late XVIII – early XIX centuries on the example of engravings of E. M. Korneev from the album «Peoples of Russia» is poorly studied. This article examines the historical, intellectual and artistic context of creating of engravings of E. M. Korneev; analyzes the sources used for their creation; in comparison with academic publications of the second half of the XVIII century, the links between the image and the text

are revealed. The relevance of the work is due to the study of engravings of E. M. Korneev as the source in the context of «visual ethnography».

The scientific novelty consists in the study of the visual representation of the Ob Ugrians in illustrated publications of the early XIX centuries on the example of Korneev's engravings.

Key words: E. M. Korneev, travel, the image of the «Other», «visual ethnography», art form, «ethnographic portrait».

For citation: Galyamov A. A. «Ethnographic portrait» of the Ob Ugrians in the light of E. M. Korneev's travel // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2020; 10 (3): 587–597.

Введение

Путешествие, как культурный феномен, раскрывающийся в соответствующих исторических практиках, господствующих идеях и образах, имеет длительную и сложную эволюцию: от античного путешествия-возвращения и средневековых рассказов о «чудесах далёких стран» до невиданного ранее расширения границ мира в эпоху Нового времени [23, 7]. Восемнадцатое столетие ознаменовалось большим количеством путешествий в самые разные уголки земного шара, что сделало возможным значительный рост этнографических знаний европейцев о неевропейских народах, а также, вследствие этого, привело к зарождению и оформлению историко-этнографических концепций философии Просвещения [11, 197; 16, 6].

Не осталась в стороне от главных тенденций эпохи Просвещения и российская этнографическая наука, где путешествия – в особенности восточные экспедиции – играли важнейшую роль. По оценке Ю. Слёзкина, российская историческая наука, как «профессиональное и имперское предприятие», выросла из «изучения нерусских народов» [21, 144]. «Российское народоведение рождалось не в кабинетах, а в путешествиях», – отмечал А. В. Головнёв [4, 17].

К началу XIX в. в обществе возник устойчивый «интерес к литературным путешествиям» [10, 25]. Иллюстрированные энциклопедии, записки и письма путешественников, альбомы с русскими гравюрами – всё это в совокупности породило новое явление в мировой культуре – «художественную россику» [1, 93].

Появился новый «субъект», описывающий с помощью визуальных образов обширное пространство империи, произошла смена потребителя поставляемого знания, связанная с

изменением исходных принципов его производства. По словам Е. Вишленковой, «академическое письмо, стремящееся к энциклопедизму и всеохватности, сменилось «частными письмами» – литературным жанром, преисполненным эмоциональных впечатлений» [1, 93]. Именно в этом историческом контексте гравюры Корнеева представляют интерес как ценное этнографическое и художественное свидетельство.

Выбранная нами тема актуальна в рамках «визуальной этнографии», значимость которой может быть «объяснима с учётом того, что любые контакты с соседями и пришельцами всегда начинались с народоузнавания по наружности, одежде, украшениям, манерам поведения и иным зримым символам» [4, 17]. А. В. Головнёв констатирует определяющую миссию изображения как «основного средства самовыражения и коммуникации», связывая его с «исходной визуальностью» этнографической науки [3, 72–75].

Путешествие как перемещение в пространстве предполагает пересечение не только географических, но и культурных границ, что, в свою очередь, ведёт к проблеме «Другого» [23, 6]. Как заметил П. С. Куприянов, «путешествие актуализирует переживание границы между «Я» и «Другим», тем самым активизируя сознание собственной идентичности» [10, 36]. В этой связи актуальной задачей исследования является не только и не столько тщательный анализ эмпирического материала, а также констатирование степени соответствия, или несоответствия сообщаемых путешественниками фактов об изучаемой реальности, но и анализ их представлений, с целью выявления закономерностей, структуры и механизмов восприятия Другого [11, 6]. В своей статье мы опирались на подход, предложенный Ю. Слёзкиным, позволяющий рассматривать

«коренных северян» опосредованно, то есть – «глазами россиян» [20, 15–16].

Рассматривая вопросы, связанные с проблематикой «Другого», мы опирались на работы С. В. Соколовского [22], Л. Н. Панченко [19], материалы научного издания «Одиссей» [16; 23] и др. Следует назвать и исследователей истории и теории научной визуальности, реконструкции «истории образов»: У. Дж. Т. Митчелл [26; 27], Л. Дагстон и П. Галлисон [6], Дж. Бергер [25], М. Баксендолл [24], Б. Ф. Тобин [28]. Наконец, учитывая междисциплинарную специфику выбранной темы, нам приходилось обращаться к искусствоведческой литературе [5; 8; 9; 14].

Материалы и методы

Данное исследование основано на визуальном анализе гравюр Е. М. Корнеева («Остязк», «Внутренность остяцкой зимней юрты»), опубликованных в издании К. Рехберга «Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов разных народов Российской империи, иллюстрированное цветными изображениями» (Париж, 1812–1813) [15, 42–43].

Для решения поставленных задач исследования мы опирались на историко-типологический, историко-сравнительный и иконологический методы.

Результаты

25 февраля 1802 г., на основании приказа императора Александра I, была отправлена экспедиция «объехать с целью военно-стратегического осмотра Азиатскую и Европейскую Россию» [5, 24]. Военно-экспедиционную группу, состоящую из четырёх человек, возглавил генерал от инфантерии Г. М. Спренгпортен – шведский подданный, видный политический деятель. Также в состав группы входили: М. Ф. Ставицкий, А. Х. Бенкендорф и сопровождающий экспедицию художник – Емельян Михайлович Корнеев, для этой цели отказавшийся от пенсионерства Академии художеств.

Благодаря рапорту, посланного Спренгпортену императору Александру I, представляется возможным восстановить маршрут

путешествия: «В 1802 году я получил ... поручение объездить часть России... в сопровождении нескольких офицеров и одного рисовальщика для сбора живописных объектов. Первый год я использовал для прохождения маршрута до Оренбурга, затем по Иртышу в Сибири... Второй год мне пришлось следовать по линии Кавказа, а в третьем году отправиться из Крыма через Константинополь в Корфу» [5, 26]. Как видно из рапорта, собственная миссия Е. М. Корнеева заключалась в «сборе живописных объектов», что перекликалось с его собственными словами – «отправиться по России, Сибири и в чужие края для снятия видов и костюмов разных народов» [5, 24].

После длительного путешествия Е. М. Корнеев в 1806 году вернулся в Россию. Несмотря на службу в Комиссии построения церкви Казанской Богоматери, художник не оставляет занятий графикой и пишет акварели по путевым эскизам прошедшей экспедиции. Результатом этих трудов стало издание альбома с гравюрами «Собрание костюмов» (1808–1809), появившееся за три года до альбома «Народы России» и считающегося его прототипом. Данное издание, вышедшее в одном единственном экземпляре и потому не получившее упоминания ни в одном из справочников по русской гравюре того времени, содержало шестьдесят три листа, выполненные по рисункам Корнеева как самим художником, так и группой молодых гравёров [1, 140].

Возникает вопрос: можно ли считать участие Корнеева в экспедиции, благодаря чему был собран ценный материал, а также издание альбома «Собрание костюмов» лишь результатом личной инициативы художника, или мы можем говорить о созревшей у передовой части русского общества потребности иного, «внутреннего взгляда» на народы Российской империи, противоположного западному?

Проблема внутреннего показа империи являлась «закономерным следствием растущей европеизации отечественных элит», их попыткой вписать Россию в «европейскую телеологию» [1, 118]. Данная тема стала актуальной уже в конце XVIII века, в рамках поиска «новых способов осмысления истории и национальной идентичности» [13, 113]. Наряду с процессами формирования национального

самосознания, проявившихся в росте интереса к отечественной истории, протекал взаимосвязанный процесс постепенного отрицания элементов просветительской концепции. Происходило движение от «просветительского понимания истории к принципам гердеровской концепции» а именно принципам национальной и исторической самобытности [11, 63]. Понятию «Zivilisation», несшему в себе одновременно и «принцип уровней эволюции, и постулат цивилизаторской миссии просвещённой Европы», Гердер и его последователи противопоставили новое понятие «Kultur» [12, 178–179].

Следует добавить, что осмыслению проблемы национальной идентичности способствовала практика путешествий, благодаря которой обнаруживались всё новые противоречия между просветительскими моделями восприятия иных народов и самой объективной реальностью. Все эти процессы не могли не сказаться на представлениях русской обществу начала XIX века, у которой просветительские модели в качестве определяющих установок сосуществовали с новообразованными моделями восприятия мира.

В этом историческом контексте интересна роль интеллектуального кружка «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», идеи которого оказали влияние на Корнеева. В центре внимания кружка было коллективное чтение и перевод просветительской литературы, а именно Вольтера, Дидро, Мабли, Рейналя и др. [17, 203–204]. Последний из перечисленных – Рейналь и его произведение «Философская и политическая история обеих Индий», – имел авторитет среди членов «Вольного общества». Так, В. В. Дмитриев – один из учредителей кружка и горячий поклонник французского просветителя, находясь на длительной службе в Сибири, сообщал в одном из своих писем следующее: «Рейналь был со мной... Я делал во многих случаях сравнение с его замечаниями, и чувства мои были согласны с его чувствами» [17, 207].

Данный отрывок из письма свидетельствует о том, что Дмитриев путешествуя по Сибири «сверял» увиденное с идеями французского просветителя. Самой Сибири автор посвятил кроме отдельных статей, отражающих опыт

путешествий, целое сочинение – «Красоты диких мест отечества моего». Например, он так делится с членами «Вольного общества» своими наблюдениями, затрагивающими «ход образования народов» Сибири: «Занимательно для друга человечества наблюдать ход сей... Скитающиеся орды по югу, востоку, северу через многие климаты простирающейся Сибири представляют разнообразие в смысле картины для кисти философа и моралиста» [17, 208]. Вместе с величием происходящих процессов, он отмечает: «Мысль моя обращалась на малые сибирские общества, на недостатки их самые важнейшие – воспитание, на немногие города её, их влияние на коммерцию, на степень успеха в сфере образования» [17, 208]. Приведённый нами отрывок характерен сочетанием разных элементов: утверждение в романтическом ключе «разнообразия, достойного кисти философа и моралиста», а также «описание через отрицание» (отсутствие воспитания, немногие города и т. д.) в свете просветительских идей Рейналя, рассматривающего коммерцию как основу для расцвета цивилизованных обществ.

То, что «северная тема» и изучение «малых сибирских обществ» не были случайными и имели резонанс внутри «Вольного общества», может свидетельствовать, кроме работ уже упомянутого нами Дмитриева, статья Н. Ф. Остолопова «Нечто о якутах», ещё одного его участника. Не остался в стороне и Е. М. Корнеев, подошедший к рассматриваемой теме в контексте своего путешествия с точки зрения художественных задач. Именно в «Вольном обществе», в кругу его идей и активной деятельности во имя идеалов просвещения, художник смог реализовать общественный заказ на визуальную репрезентацию империи.

Единственный и уникальный экземпляр «Собрания костюмов», напечатанный за счёт собственных средств художника, мог остаться известным лишь в узких просвещённых кругах, если бы на него не обратил своего внимания баварский посланник при русском дворе – Карл Рехберг. Как коллекционер произведений графики на русские темы, он предложил Корнееву издать его альбом с гравюрами, но уже в расширенном варианте взяв на себя,

помимо финансирования, ответственность за написание сопроводительных к иллюстрациям этнографических текстов. Дав своё согласие, художнику пришлось оставить службу и вместе с Рехбергом в 1810 году переехать в Мюнхен, где он в течение двух лет работал над путевыми экспедиционными эскизами, делал новые рисунки, обсуждал текст с издателем [1, 141]. Альбом «Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов разных народов Российской империи» (1812–1813) вышел в двух томах уже после возвращения Корнеева на родину. Так европейская культура обогатилась российским опытом графического описания этнического разнообразия.

Что касается текстовой составляющей издания «Народы России», то К. Рехберг поставил задачу создания научного труда, посвящённого этнографии народов России, обращаясь к таким смежным дисциплинам как история, география, языкознание. Характерно, сам Рехберг не являлся специалистом ни в одной из перечисленных отраслей знания. Действительно, его тексты отличают компилятивность, эклектичность, а в некоторых частях он и вовсе увлекается излишними литературными описаниями. Тем не менее, Рехберг развернул целый энциклопедический компендиум, привлекая описания экспедиций, организованных Российской Академией наук (Гмелина, Георги, Палласа и др.), а также путешествия иностранцев (например, сочинение Шаппа д'Отроша) [5, 86].

Гравюра «Остяк» Е. М. Корнеева представляет собой пример синтеза противоположных изобразительных тенденций: предшествующей традиции костюмного жанра с одной стороны и сложившихся к началу XIX века новаторских приёмов постановки и изображения природы – с другой [15, 43]. Изображения «костюмного рода» к началу XIX века имели в «художественной росписи» устойчивую традицию, о чём свидетельствуют многочисленные издания, берущие своё начало с произведений Ж.-Б. Лепренса и Х. Рота. Типажные однофигурные композиции, красочные костюмы (летние и зимние, виды спереди – сзади), характерные положения тела, неперенные атрибуты труда и повседневных занятий, элементы окружающей среды, определяющие

место проживания того или иного народа, – в своей совокупности представляли изобразительную «матрицу» с помощью которой была возможна просветительская репрезентация Другого. Она же, вместе с тем, выполняла функцию ориентира и организующего принципа в общем гетерогенном визуальном пространстве империи, помогающего зрителю понять, «где кончается одна нация и начинается другая» [21, 124]. Поэтому Корнеев должен был опираться на уже устоявшуюся «матрицу» как при изображении остяка, так и при изображении других «народов России» даже в ущерб своим натурным открытиям.

Несмотря на академическую постановку, статичность, усиленную пониженным горизонтом, ошутимо стремление художника придать образу остяка конкретные и живые черты. Для этой цели Корнеев обратился к жанру «этнографического портрета», что существенно обогатило образы империи. Подобные открытия являлись следствием осмысления эстетических идей конца XVIII – начала XIX вв. Например, П. Чекалевский требовал от художников изучения природы в целях «изображения действий естества», а не слепого подражания античным образцам [8, 768]. Стоит упомянуть и Г. И. Угрюмова, чья художественная и педагогическая деятельность несла в себе передовые принципы национального искусства, и воспитавшего поколения талантливых художников, включая Корнеева. Важнейшей частью его педагогической системы являлась ориентация на природу, конкретизация её качеств, а также требование исторической достоверности – этнографической и бытовой [14, 60–63].

Если изучение и отображение природы в форме просветительского классицизма привели Корнеева к художественным открытиям, то линия типажно-костюмного жанра накладывала определённые ограничения. Об этом говорит тот факт, что образ остяка абстрагировался до типа. Под типом понимается «несоответствие никакому отдельному члену класса», но одновременно он может «символизировать всех его членов» [6, 523]. Так, атрибуты остяка (весло, сеть, пойманная рыба) обозначают собой круг повседневной жизни «класса» остяков в целом. Его зимняя одежда не соответствует летнему ландшафту, так как,

во-первых, это не реальная одежда как таковая, а «костюм», фиксирующий принадлежность к «малому сибирскому обществу», а во-вторых с ней ассоциируются и суровые климатические особенности отображаемой местности даже в летний период. Образ остяка – это и «эмблема целого класса объектов», то есть остяков как некой общности, и в то же время «портрет каждого из них» [6, 174].

Большой интерес представляет гравюра «Внутренность остяцкой зимней юрты» [15, 42]. В ней прослеживается влияние просветительского классицизма (поэтически-возвышенный тон, идеализация и т. д.), а также европейских бытописателей костюмного жанра. Проблема заключается в том, что прототипом послужила ранняя акварель художника «Интерьер киргизской хижины», датированная ещё 1802 годом (когда Корнеев был в экспедиции), и которая существенно расходится по форме и содержанию с законченным произведением, вошедшего в издание «Народы России». Перемену названия в сопроводительном тексте пояснил Рехберг: русские часто путают остяков с вогулами, киргизами, а также с башкирами [5, 141]. Действительно, можно предположить, что Корнеев по причине незнания, в силу устоявшихся стереотипов ошибочно принял остяков за киргизов. Например, П. С. Паллас отмечал наличие «зимовий» как у остяков, так и у «башкирцев» [18, 55] что, вероятно, могло приводить путешественников к путанице при распознавании жилищ. Сложность состоит не в одной лишь перемене названия и не в том, что гравюра была выполнена позднее, а ранний рисунок имел характер композиционного эскиза. Сложность в том, что акварель «Интерьер киргизской хижины» трактовала увиденное во время путешествия в негативном плане, акцентировала своё внимание на критических моментах быта. Так взгляду зрителя в серо-коричневых тонах открывается убогая хижина киргизов (остяков), пространство которой наполнено клубами чёрного дыма, а одетые в лохмотья её обитатели – замкнуты и отстранены друг от друга. Таким образом, ранний рисунок с одной стороны, и гравюра – с другой, расходятся по постановке и решению художественных задач.

Н. Н. Гончарова объясняет расхождение между первоначальным рисунком и гравюрой тем, что вносимые Корнеевым изменения отражали собой «путь от непосредственного наблюдения и переживания к привычным, воспитанным Академией представлениям о красоте и гармонии» [5, 142].

На наш взгляд, противоречие между натурной «съёмкой» Другого, с одной стороны, и его репрезентацией с соблюдением господствующих художественных конвенций – с другой, необходимо рассматривать в более широком историческом контексте, затрагивая устоявшиеся модели восприятия путешественников в их столкновении с изменяющейся реальностью. Обратимся к трудам Георги, Палласа и Зуева, описывающих быт и культуру остяков и попробуем сопоставить их с «изобразительным текстом» Корнеева, тем самым расширив поле для интерпретации. Есть основание полагать, что художник при работе над окончательным вариантом рисунка для гравюры обращался к вышеперечисленным источникам. Об этом может свидетельствовать тот факт, что К. Рехберг, как автор сопроводительных статей к гравюрам, использовал тексты выдающихся академиков, а с ним, в свою очередь, мог консультироваться и сам Е. М. Корнеев [1, 141].

Сопоставляя этнографический и изобразительный тексты описания можно заметить общие детали. На гравюре видно, что хижина сложена из нетолстых брёвен и выглядит подобно «русским деревянным избам», но «без крыши», а на потолке «вырублено четверугольное небольшое окно», через которое выходит дым [7, 164; 18, 56]. Корнеев по причине следования композиционным задачам отказывается от плоской кровли, расширяет пространство юрты, что позволяет наделить её светом и воздухом, в отличие от раннего рисунка. Далее, так как в юртах живут «многие семьи вместе», то её пространство «разделено по стене» на соответствующее количество «конурок» [7, 164; 18, 56]. «Каждая остячка», как пишет Зуев, «со своим экипажем и детьми должна в узком отделённом месте жаться» [7, 164], тогда как художник избегает скученности фигур. В центре юрты есть «огнище», а прочее место «занимают палаты, кои служат

вместо сундуков и ларей», что учитывает и гравюра [2, 70; 7, 164].

Но самой важной деталью, которой не было в путевом эскизе 1802 года, и которая формально сближает этнографический и изобразительный тексты – это наличие собак в юрте. По словам Зуева и Палласа, «добрые» («промышленные») собаки «никогда из юрт не выпускаются», «со щенятами гнёзда свои имеют», а кроме того, они в этих же юртах «трескают» [7, 164; 18, 57]. В этнографических описаниях XVIII в. присутствие животных в непосредственной близости к человеку являлось признаком «дикости» и недостаточной «цивилизованности» народа [21, 134].

Подобные описания учёных «антипримитивистов», судивших северян по «высшим стандартам разума и учтивости» [20, 76], более близки первоначальному рисунку, чем гравюре из альбома «Народы России», несмотря на формальное сходство. На наш взгляд, во время экспедиции Корнеев руководствовался иной моделью восприятия, нежели десятилетием позже, когда создавал рисунок к гравюре «Внутренность остяцкой зимней юрты». Доказательством тому служат «говорящие детали» изобразительного текста, которых не могло быть в этнографических описаниях Георги, Палласа и Зуева в силу их следования эмпирическому материалу. Нет этих деталей и в раннем рисунке Корнеева, сделанного в режиме «художественного репортажа».

Одна из «говорящих деталей» – это идеализированное изображение женских фигур, контрастирующих с мужской фигурой остяка. У последнего мы можем наблюдать передачу реальных антропологических черт, этнографически точное воспроизведение зимнего «костюма», соответствующего описаниям И. Г. Георги, П. С. Палласа и В. Ф. Зуева, а также атрибуты повседневных занятий, имеющих эмблематическую связь с остяками как общностью.

Женские образы, наоборот, представлены в виде классицистических фигур с подчёркнутой театральностью жестов и поз, костюмы которых – лёгкие платья с глубокими складками и свободно спадающими платками, – далеки от остяцкой женской одежды. Отображённые художником эстетические конвенции

проецировали подражание классицистическим образцам, то есть опирались на античную традицию, составляющую «атмосферу, почву и инвентарь европейской культуры» [9, 20]. Идеализация, к которой обращается Корнеев для изображения как женских фигур, так и для создания облагороженного пространства юрты, является уподоблением образа жизни остяков «образу жизни и нравам эпохи античности», чтобы выделить «особость и инаковость», с одной стороны, а с другой – «патриархальность, изначальность, древность» [22, 61–62].

Другие «говорящие детали», которые отсутствуют в описаниях Георги, Палласа и Зуева, и которые, на первый взгляд, являются лишь плодом авторской фантазии и грубым нарушением исторической достоверности – это наличие икон в левом углу юрты, а также домашней птицы. Действительно, было бы ошибочным полагать развитие птицеводства у остяков, которые не были «оседлыми» в русском (земледельческом) смысле слова, и чья природа деятельности требовала циклических перемещений [20, 21]. Однако Корнеев придаёт данной детали не реальное, а аллегорическое значение, помогающее раскрыть взгляд художника на быт остяков сквозь призму просветительской модели восприятия, но уже в ином ракурсе – «переход от варварского состояния к цивилизованному» [12, 174]. Наличие птицеводства, как и развитой ступени агрикультуры, могло пониматься как «прорыв в цивилизованный мир» [13, 51]. Уместно вспомнить И. Г. Георги, выделявшего низшую стадию («грубые, воинствующие без всяких законов скитающиеся Народы»), переходную («кочующие скотоводы») и третью, где «земледельческое состояние» простиралось «от первоначального возделывания постепенно до самого совершенства» [2, 9]. Данные схемы были созвучны просветительским идеям изменения хозяйственного уклада «диких народов», стремления привить им земледелие [11, 219]. В этом контексте становится понятной и роль икон: «христианизация была равносильна просвещению» [21, 132].

Композиционное решение гравюры показывает, как иконы и домашняя птица из левой части юрты противопоставляются «добрым»

собакам из правой, что говорит об аллегорическом сравнении: «стадия цивилизованности» in potentia противопоставлена «стадии дикости». Точно так же, классицистические женские образы, отсылающие к античности как утраченному прошлому, противопоставляются мужской фигуре остяка – живому настоящему «малых сибирских обществ».

Обсуждение и заключение

В заключение, следует сказать несколько слов о значении гравюр Е. М. Корнеева из альбома «Народы России» в контексте «визуального народоведения».

Гравюры Х. Рота, фиксируя посредством костюмов «великое множество различных народов», перекликались с универсальной схемой просветительской телеологии – «приближения Грубых народов к единой мете всеобщего России просвещения» [2, 9]. Ж.-Б. Лепренс в передаче облика и обычаев народов Севера прибегал к идеализации, а Х.-Г. Гейслер, наоборот, намеренно вносил искажения в пропорции тел экзотических «нерусских народов», что служило для зрителя маркером очевидной «не цивилизованности» [1, 98-99]. Несмотря на кажущееся различие между Ле-

пренсом и Гейслером, их произведения являются примером «эстетической стратегии сдерживания», включающей в себя как положительную, так и отрицательную версии конструирования Другого [28, 21].

Корнеев поспособствовал утверждению альтернативной формулы «коллективного видения» на этническое разнообразие Российской империи, сменив взгляд с «внешнего» («эстетическая стратегия сдерживания») на «внутренний», что позволило предложить соотечественникам основания для самоидентификации, а также погрузиться в бескрайний мир иных народов и культур. Благодаря путешествию и его художественной репрезентации посредством «натурной съёмки» появилась возможность сократить не только географическую, но и культурную дистанцию. Однако новаторские приёмы изображения природы, ведущие к пониманию народа как культурной и самобытной общности, сочетались с нормативностью просветительского классицизма, а значит ограничивались универсальными схемами репрезентации Другого. Таким образом, сложившийся синтез исторически противоположных тенденций обусловил собой графическую репрезентацию обских угров.

Список источников и литературы

1. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.
2. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 частях. СПб: Императорская АН, 1799. Ч. 1. 76 с.
3. Головнёв А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 72–81.
4. Головнёв А. В. Этнография в российской этнографической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
5. Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: Искусство, 1987. 392 с.
6. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 584 с.
7. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии ненцев и хантов // Колумбы земли русской: Сб. докум. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1989. С. 157–215.
8. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М.: Искусство, 1964. Т. 2. 835 с.
9. Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного населения в культуре России. М.: Российск. гос. гумат. ун-т, 2000. 240 с.
10. Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 21–37.

11. Куприянов П. С. Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблемы национальной самобытности: дис.... канд. ист. наук. М., 2002. 265 с.
12. Люзебринк Х. Ю. Цивилизация // Мир Просвещения: исторический словарь. М.: Памятники историч. мысли, 2003. С. 173–181.
13. Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 272 с.
14. Молева Н. М. Выдающиеся русские художники-педагоги. М.: Просвещение, 1991. 416 с.
15. Народы России. Рисунки Е. М. Корнеева. Альбом. М.: Печатная слобода, 2017. 96 с.
16. Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. 336 с.
17. Орлов В. Русские просветители 1790–1800-х годов. Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1950. 479 с.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. В 6 томах. СПб: Императорская АН, 1788. Ч. 3. Половина 1. 655 с.
19. Панченко Л. Н. Философское «прочтение» оппозиции «Я – Другой» в традиционной культуре обских угров (гендерный аспект) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 545–556.
20. Слэзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
21. Слэзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские учёные XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская Империя в зарубежной историографии. М.: Новое изд-во, 2005. С. 120–154.
22. Соколовский С. В. Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 5: Сборник статей. М.: [б. и.], 1998. С. 56–81.
23. Толстикова А. В., Кошелева О. Е. НОМО VIATOR // Одиссей. Человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука, 2010. С. 5–10.
24. Waxandall M. Painting and experience in fifteenth century Italy: a primer in the social history of pictorial style. Oxford: Oxford University Press, 1988. 183 p.
25. Berger J. Ways of Seeing. London: Penguin, 1972. 166 p.
26. Mitchell W. J. T. Image Science: Iconology, Visual Culture, and Media Aesthetics. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015. 264 p.
27. Mitchell W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 445 p.
28. Tobin B. F. Colonizing nature: the tropics in British arts and letters, 1760–1820. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. 257 p.

References

1. Vishlenkova E. *Vizual'noye narodovedeniye imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual ethnic studies of the Empire, or «Not everyone is able to see the Russian»]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 384 p. (In Russian)
2. Georgi I. G. *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. V 4 chastyakh* [Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, affairs, fun, religion and other memorials. In 4 parts]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya AN Publ., 1799. P. 1. 76 p. (In Russian)
3. Golovnyov A. V. *Vizualizatsiya etnichnosti: muzeynyye proyeksii* [Visualization of ethnicity: museum projections]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2019, no. 4 (65), pp. 72–81. (In Russian)
4. Golovnyov A. V. *Etnografiya v rossiyskoy etnograficheskoy traditsii* [Ethnography in the Russian ethnographic tradition]. *Etnografiya* [Ethnography], 2018, no. 1, pp. 6–39. (In Russian)
5. Goncharova N. N. *E. M. Korneev. Iz istorii russkoy grafiki nachala 19 veka* [E. M. Korneev. From the history of Russian graphics of the early XIX century]. Moscow: Isskustvo Publ., 1987. 392 p. (In Russian)
6. Duston L., Galison P. *Objektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 584 p. (In Russian)
7. Zuev V. F. *Materialy po etnografii nentsev i khantov* [Materials on the ethnography of the Nenets and Khanty people]. *Kolumby zemli russkoy: Sb. dokum. opisaniy ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vv.* [Columbus of the Russian land: Collection of documental descriptions of discoveries and exploration of Siberia, the Far East and the North in the XVII–XVIII centuries]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1989. pp. 157–215. (In Russian)

8. *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli* [History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1964. Vol. 2. 835 p. (In Russian)
9. Knabe G. S. *Russkaya antichnost': Soderzhaniye, rol' i sud'ba antichnogo naseleniya v kul'ture Rossii* [Russian Antiquity: Content, role and fate of the ancient population in the culture of Russia]. Moscow: Rossiysk. gos. gum. un-t Publ., 2000. 240 p. (In Russian)
10. Kupriyanov P. S. *Predstavleniya o narodakh u rossiyskikh puteshestvennikov nachala XIX v.* [Representations of peoples among Russian travelers at the beginning of the XIX century]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2004, no. 1, pp. 21–37. (In Russian)
11. Kupriyanov P. S. *Russkiye zagranichnyye puteshestviya nachala XIX v.: natsional'nyye predstavleniya i problemy natsional'noy samobytnosti* [Russian abroad travel at the beginning of the XIX century: national ideas and problems of national identity]. Moscow, 2002. 265 p. (In Russian)
12. Luzebrink H. Yu. *Tsivilizatsiya* [Civilization]. *Mir Prosveshcheniya: istoricheskiy slovar'* [World of Enlightenment: historical dictionary]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2003. pp. 173–181. (In Russian)
13. Mezin S. A. *Didro i tsivilizatsiya Rossii* [Diderot and the civilization of Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 272 p. (In Russian)
14. Moleva N. M. *Vydayushchiyesya russkiye khudozhniki-pedagogi* [Prominent Russian artists and educators]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1991. 416 p. (In Russian)
15. *Narody Rossii. Risunki Ye. M. Korneeva. Al'bom* [Peoples of Russia. Drawings by E. M. Korneev. Album]. Moscow: Pechatnaya sloboda Publ., 2017. 96 p. (In Russian)
16. *Odissey. Chelovek v istorii. 1993. Obraz «drugogo» v kul'ture* [Odysseus. A person in history. 1993. The Image of the «Other» in Culture]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 336 p. (In Russian)
17. Orlov V. *Russkiye prosvetiteli 1790–1800-kh godov* [Russian educators of the 1790–1800]. Leningrad: Gos. izd-vo khud. Literatury Publ., 1950. 479 p. (In Russian)
18. Pallas P. S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii. V 6 tomach* [Travels over different provinces of the Russian Empire. In 6 volumes]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya AN Publ., 1778. P. 3., Half 1. 655 p. (In Russian)
19. Panchenko L. N. *Filosofskoye «prochteniye» oppozitsii «Ya – Drugoy» v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov (gendernyy aspekt)* [Philosophical «reading» of the opposition «Me – Other» in the traditional culture of the Ob Ugrians (gender aspect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 545–556. (In Russian)
20. Slezkin Yu. *Arkticheskiye zerkala. Rossiya i малыye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoye lit. Obozreniye Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
21. Slezkin Yu. *Yestestvoispytateli i natsii: russkiye uchonyye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobraziya* [Naturalists and nations: Russian scientists of the XVIII century and the problem of ethnic diversity]. *Rossiyskaya Imperiya v zarubezhnoy istoriografii* [Russian Empire in foreign historiography]. Moscow: Novoye izdatelstvo Publ., 2005. pp. 120–154. (In Russian)
22. Sokolovskiy S. V. *Obrazy «Drugikh»: istoricheskaya topologiya myshleniya o korennykh narodakh v Rossii* [Images of the «Others»: the historical topology of thinking about indigenous peoples in Russia]. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii. Vyp. 5: Sbornik statey* [Ethnomethodology: problems, approaches, concepts. Iss. 5: Collection of articles]. Moscow: [w/p], 1998. pp. 56–81. (In Russian)
23. Tolstikov A. V., Kosheleva O. E. *HOMO VIATOR* [HOMO VIATOR]. *Odissey. Chelovek v istorii. 2009: Puteshestviye kak istoriko-kul'turnyy fenomen* [Odysseus. A person in history. 2009: Travel as a historical and cultural phenomenon]. Moscow: Nauka Publ., 2010. pp. 5–10. (In Russian)
24. Baxandall M. *Painting and experience in fifteenth century Italy: a primer in the social history of pictorial style*. Oxford: Oxford University Press, 1988. 183 p. (In English)
25. Berger J. *Ways of Seeing*. London, 1972. 166 p. (In English)
26. Mitchell W. J. T. *Image Science: Iconology, Visual Culture, and Media Aesthetics*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015. 264 p. (In English)
27. Mitchell W. J. T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 445 p. (In English)
28. Tobin B. F. *Colonizing nature: the tropics in British arts and letters, 1760–1820*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. 257 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галямов Артур Амирович, научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А).

galyamov-artur@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2874-3773

ABOUT OF AUTHOR

Galyamov Artur Amirovich, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira St., 14A)

galyamov-artur@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2874-3773